

УДК: 811.161.1

О СЛОВАХ ВАСИЛЬЕВА

(ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВИЧА ВАСИЛЬЕВА)

Д.Г. Демидов (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Научное творчество покойного профессора А.Д. Васильева лежало в области «язык и общество». Слова как инструменты управления народом противостоят тем же словам, усвояемым народом. Язык находится между властью и народом, он дает свой исторический ответ, например, в виде советизмов, словаря перестройки, словаря коронавирусной эпохи.

Цель статьи – показать на очень небольшом фрагменте научного наследия А.Д. Васильева актуальность и практическую важность проблем, поднимаемых им; выявить с помощью его трудов примеры слов и выражений, значимость которых в современном российском обществе особенно высока; оценить необходимость дальнейшего исследования в этом направлении и расширения их состава.

Материал статьи состоит из очень небольшого количества слов и выражений из обилия тех, о которых писал Александр Дмитриевич.

Методы исследования: критический, исторический, контекстный, прагматической и социально-политической оценки внутриязыковой лексической семантики.

Обзор научной литературы по проблеме учитывает только некоторые труды А.Д. Васильева, для их систематического и полноценного обзора требуется большое самостоятельное, может быть, монографическое исследование.

Результаты исследования. А.Д. Васильев рассматривал разнородные по тематике слова, однако их объединяет особый прагматический эффект в отношении власти и народа. Такие слова целесообразно назвать «словами Васильева». Некоторые новейшие англицизмы вполне заменимы на исконно-русские синонимы.

Выводы. Подтверждается нецелесообразность употребления заимствованного слова *идентичность* с расплывчатым значением в документах государственной важности. Установлено его отличие от собственно русского производного: *идентичный* > *идентичность*.

Ключевые слова: А.Д. Васильев, власть и народ, языковая личность, иноязычное заимствование, словообразовательная пара, омоним, идентичность.

Постановка проблемы. Александр Дмитриевич Васильев – наш взыскательный современник, вложивший много сил и энергии, прекрасных плодотворных трудов в разработку вечно злободневной темы «Язык и общество». Кончина этого замечательного ученого заставляет наше научное сообщество внимательнее прислушаться к отзвукам его тревожного колокола. Этот колокол бил сильно, ясно, звучно. И внезапно престал. Но «устная... беседа близ токмо слышится: а яже писанию предаются, та и в концы вселенныя происходят. Устно реченное слово скоро от памяти человеческия отъемлетя: написанное же

незабвенно пребывает» (святит. Димитрий Ростовский «Розыск о раскольнической брынской вере»). Труды А.Д. Васильева надолго останутся живительной силой, побуждающей все новые и новые поколения исследователей к дальнейшему научному филологическому, непременно критическому, творчеству.

В книгах и статьях А.Д. Васильева не рассматриваются ни дискурсы, ни нарративы. В них вообще не рассматривается язык как инструмент в руках тех, кто желает установить те или иные взгляды и ценности в обществе. Предметом научного интереса покойного профессора были слова русского языка, взятые не как инструмент, средство, а как исследовательский объект. Слово в тексте изучается им не с точки зрения создателей текста, «целевой аудитории» и т.п., а с точки зрения говорящего народа-языка, который выступает высшим и окончательным судьей: одни слова слышит и предает забвению, другие слова усваивает, творчески переиначивает, переосмысляет, развивает их полисемию, придает им свои, уже неподотчетные создателям исходных текстов направления употребления и стилистические ценности, третьи слова принимает и в той или иной мере активизирует, расширяя их семантико-стилистические возможности в том направлении, которое было придано им изначально властями, СМИ, авторами.

В трудах А.Д. Васильева непременно выступает проблема напряжения между словом, идущим от власти или ведущих СМИ, и простым человеком – носителем языка, воспринимающим это слово, оставляющим его без внимания или подхватывающим в своем узусе, который испытывает мощное давление со стороны цифровой среды.

Приведем более простой, расширительный и наглядный пример, связанный с интернетом – еще одним, кроме СМИ и власти, источником текстов, ниспосылаемых языковой *личности*, обычному человеку, который в данном случае превращается в *пользователя* – «юзера». Когда мы читаем слова «Сервер временно недоступен», то вдруг понимаем, что *сервер* – это не то, что *служит* нам, сообразно иностранной внутренней форме, а то, чему слепо, безотчетно и наивно доверяем мы. Когда *сервер недоступен*, диалог «человек – машина» прерывается и машина жестоко мстит человеку, как в фантастических фильмах ужасов. Маски сбрасываются, и оказывается, что не машина служит человеку, а человек – машине.

Речь идет не просто об употреблении слов в обществе, а о когнитивной безопасности личности. Слова языковой личности, порождаемые активной индивидуальной речью, основанной на памяти родного языка, доверяются серверам и облакам вместо личных архивов, к которым без труда можно обратиться, когда угодно. Языковая и культурная личность попадает в полную зависимость от нового мощного цифрового посредника. Часть своей памяти современный человек готов доверить удаленным «серверам», которые призваны служить ему, но в любой момент может случиться, что человек вдруг открывает, что это он служит им. Возникает давно и хорошо известная зависимость от посредника – бюрократического государственного, административного института, частной фирмы,

банка, юридической «службы». Собственно говоря, даже самая письменность, полученная нами от свв. Кирилла и Мефодия, играет посредническую роль между говорящим, ставшим пишущим, и слушающим, ставшим читающим. Все приведенные в пример посреднические институты, включая интернет, суть великое благо, но они же представляют собой обоюдоострое оружие, которое в недобросовестных руках может нанести великий вред.

А.Д. Васильев изучает отношения не машины и человека, а людей друг с другом по поводу их общего языка – русского. Эти отношения более сложны и подвижны. Человеческое общество социально дифференцировано, и это его очень развивает (см. труды К.Н. Леонтьева), дает основание плодотворному общению, в котором крепнет и культурно расцветает язык. Меньшая и, надеемся, лучшая часть общества сосредоточивается во власти и в том его ответственном слое, которое принято называть *национальной элитой*. При слабой власти элита (или даже какая-то часть ее, как правило, наиболее беспринципная и агрессивная) может преследовать свои интересы, подмять под себя власть и пытаться поставить себе в услужение язык-народ. При сильной власти элита формируется такой властью сознательно в качестве верного помощника в управлении народом, в прислушивании к нему, полезного посредника в диалоге «власть – народ». Слова языка в условиях этого диалога и составляют главную проблему, изучаемую А.Д. Васильевым.

Обзор литературы, результаты и обсуждение. Многочисленные слова, изучаемые А.Д. Васильевым, очень разнородны по своему происхождению, предыстории, функциям, семантике, но всех их объединяет острая актуальность в проблеме отношения языка и общества. Их нельзя назвать социально-политической лексикой, или словами общественной сферы, потому что основным признаком, по которому они выделяются, является не тематическая область, а особый прагматический эффект, связанный с воздействием власти и СМИ на народ. Истоки этого внешнего эффекта лежат в самом языке, а именно в треугольнике «система – норма – узус», понимаемом в историко-генетическом измерении. Может быть, в будущем и найдется какой-нибудь подходящий термин, обозначающий этот обширный и чрезвычайно актуальный слой русской лексики, но сейчас пока мы можем назвать этот слой лексики «словами Васильева».

Может быть, некоторые обобщения, связанные с функционированием слов Васильева в обществе, на первый взгляд покажутся грубыми и непроработанными, но общее направление задано им для дальнейшего анализа точно и прекрасно обосновано. В задачу ученого высшей квалификации входит прежде всего обрисовать направление и подсказать методы – ученики и последователи внесут критические поправки, дополнят, уточнят, систематизируют и придадут описанию слов Васильева вид стройного учения. Это учение не будет «социолингвистическим». Оно остается в русле фундаментальных проблем русского языкознания, изучения русской речевой деятельности на уровне лексики и фразеологии. Тезис о языке как общественном явлении обретет свое предметное воплощение.

Из особых общественно значимых функций слов А.Д. Васильев выделил вербальную магию [Васильев, 2019, с. 7 и др.], манипулятивную эвфемизацию [Васильев, 2013, с. 543–575], маскировочную [Васильев, 2020, т. 1, с. 25] и др. К примеру, маскировочная функция характерна для англоязычных слов, «прикрывающих» негативную коннотацию обозначаемого понятия, что особенно ясно видно при сопоставлении таких слов с их исконно-русскими по происхождению синонимами: *убийца (наемный) – киллер, вымогатель – рэкетир, захватчик (чуждой собственности) – рейдер*. Церковнославянское оформление слова *у-бий-ц-а* только усиливает резко отрицательную коннотацию: славянская словообразовательная модель действует уже при образовании глагола *у-бити*, само слово оформляется славянизированным суффиксом имени лица *-ьц-* с третьей палатализацией, проявляет «напряженный» редуцированный в корне (ср. форму повел. накл. *убей!*), наконец, использует внешнюю морфологическую модель имени лица м. рода на **-ja*, ср. *кровопийца, предтеча, судия, вельможа, древоделя*. Подробно разбираются синонимы с таким же распределением оценочных функций *изменник (предатель) – коллаборационист* [Васильев, 2023], *русский – российский* [Васильев] и мн. др. Сюда же отнесем синонимические пары *травля – буллинг, стрельба – шутинг, наставник – тьютор* [Васильев, 2022, с. 46] и др. Нам представляется, что менее болезненным является сосуществование старого и нового заимствований: *хулиган – трэш-стимер, тренер – коуч* [Там же]. Какие-то уголки русской ментальности, не нашедшие своих обозначений, однажды прибегнув к иноязычному заимствованию, впоследствии идут по тому же пути «чужого/чуждого» вместо «своего»¹.

Показательным примером являются новые терминологические сочетания типа *общероссийская гражданская, культурная идентичность* [Васильев, 2025, № 3, с. 9; 2025, № 4, с. 7].

В русской словообразовательной системе определяемое слово не встраивается безоговорочно в пару *идентичный > идентичность*. Основной корпус НКРЯ показывает, что во второй половине XIX в. строгое логико-научное значение сохранялось только у прилагательного. Его любили употреблять А.М. Бутлеров, Н.И. Пирогов, Н.Е. Введенский, Н.Д. Зелинский, А.Я. Данилекский (*идентичные белковые разновидности*, 1891) и др. естествоиспытатели. Первое же, согласно НКРЯ, употребление существительного показывает иную сферу употребления:

«Тогда мы осуждали бы въ писателѣ нашемъ поползновенія къ *идентичности*, точно также, какъ теперь съ сокрушеннымъ сердцемъ указывали на его колебанія въ сторону жоржъ-сандизма и дидактики»². Критик А.В. Дружинин

¹ На ЛIII Международной научной филологической конференции им. Л.А. Вербицкой (СПбГУ, филол. ф-т, март 2025 г.) в устной полемике на секции когнитивной лингвистики обсуждался вопрос, не представлена ли универсальная культурная оппозиция «свой»: «чужой/чуждый» в русской ментальности как «свой»: «другой». Мы считаем, что представлена. Тогда слово *тренер* следует относить к «другим» по происхождению, а слово *коуч* – к «чуждым». Такие слова обычно называют варваризмами.

² Дружинин А.В. «Повести и рассказы И. Тургенева». Спб., 1857 // Собрание сочинений А.В. Дружинина. С-Пб.: Въ типографіи Императорской Академии Наукъ, 1865. Т. 7.

хорошо знал английский язык, переводил Байрона и Шекспира. Скорее всего, существительное *идентичность* в русском языке не было собственным производным по продуктивной модели от быстро обрусевшего прилагательного, а появилось благодаря прямому освоению английского существительного *identity* в нетерминологическом значении, пригодном для широкой гуманитарной сферы. Иноязычное слово усваивается при этом не только в морфологическом отношении, но и в словообразовательном оформлении очень продуктивным формантом *-ност(ь)*.

Характерно, что в [Толковом словаре] дается только одно значение производящего прилагательного *идентичный* латинского происхождения: 'полностью совпадающий с кем-либо, чем-либо или точно соответствующий, тождественный, равнозначный кому-либо, чему-либо'. Производным от него можно считать существительное *идентичность* лишь со значением под цифрой 1. в этом Словаре: «1. *чего (чему)*. 'Точное совпадение, тождественность с кем-либо, чем-либо'». Под цифрой 2. определяется значение омонимичного существительного, заимствованного из английского: «2. *какая*. 'Чувство принадлежности к каким-либо социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам; отождествление себя с той или иной группой людей'». Готовое иноязычное слово переходит в русский язык с его значением.

Другое, тесно связанное с прилагательным *идентичный*, производное от него существительное, фактический синтаксический дериват *идентичность-1*, употребляется во второй половине XIX в. все-таки намного шире. Более-менее прочное усвоение нового слова вместе с новым понятием *идентичность-2* происходило только начиная с 1910-х гг., о чем свидетельствует его робкое первое из употреблений в XX в. в виде глоссы к русскому *самоличность*:

По русскому праву паспорт служит средством удостоверения *самоличности (идентичности)* лица и права проживания его в данном месте³.

Началась конкуренция омонимов, пояснять теперь приходится и привычный логико-научный термин *идентичность-1*:

Существенным установлением правильности и точности действия прибора является полная по возможности *идентичность (одинаковость)* этих катушек: они должны быть одинакового диаметра, должны быть намотаны из одной и той же проволоки, должны обладать одинаковым числом витков, одинаковым сопротивлением и коэффициентом самоиндукции⁴.

Данные НКРЯ показывают, что до 60-х гг. XX в. существительное *идентичность-2* не находит своего распространения в русской публицистике и гуманитарной науке. Но и позже новое слово-понятие употребляется редко.

³ Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской Империи (из лекций по русскому государственному и административному праву). Одесса: Техник, 1912.

⁴ Давыдов Б. Измерение емкости методом дифференциального трансформатора // Радио Всем, 1926. № 9. С. 14.

Так, на 52 попавших в НКРЯ примера встретилось 48 на *идентичность-1* и всего 4 на *идентичность-2*:

Разговаривая в коридоре, он с необычайной силой испытал это томительное ощущение *идентичности*⁵ (Л.Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920–1943))

Но эта связь не означает *идентичности* или «гармонического развития». (Рой Медведев. О книге «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына. 1974)

Вы говорили об интеллигенции, о ее особой, незаменимой роли в духовной жизни общества, о ее способности «намагничивать» людей, о преемственности в культуре, обеспечивающей *идентичность* и неразрывность духовного развития. (Владимир Дудинцев. Цвет наших одежд // Литературная газета. 1988)

Но это «стирание памяти», манкуртизация не прошли для общества бесследно: сегодня оно испытывает, по словам Ю. Афанасьева, «кризис *идентичности*», не имеет пока абсолютно точного, адекватного представления о себе самом: «Мы смотримся в зеркало и не можем узнать себя...» (Наталья Иванова. Освобождение от страха // Библиотека «Огонек». 1989)

Лишь с конца перестроечных 80-х гг. XX в. в широкое употребление вошло заимствование *идентичность-2*. Назовем авторов, способствовавших его усвоению в русском говорящем сообществе: митр. Антоний (Блум), митр. Питирим (Нечаев), С.С. Аверинцев, Н.П. Бехтерева, А.С. Панарин, А.Б. Миллер, Т.Г. Стефаненко, В.Р. Легойда и мн. др. С середины 1990-х гг. это иноязычное заимствование полностью вытесняет *идентичность-1*. Таким образом разрушается уже налаженная было в русских книжных стилях прочная собственно русская словообразовательная связь *идентичный* > *идентичность-1*.

Выше мы писали о важности учета синонимических отношений для прояснения значения слова с «плавающим» значением. Такой синоним есть и у слова *идентичность-2*:

Фон Вригт говорил там: «Модернизация в России была результатом не органического роста снизу, а попыток навязать ее сверху незрелому обществу, подавляя их [почвенных форм религиозной и общественной жизни] родные возможности развития и поиски *самопонимания* или *идентичности*» (В.В. Бибихин. Закон русской истории. 1994).

Как видим, не только в русском языке имеются трудности с усвоением расплывчатого понятия идентичности. Финский философ дает толкование английскому термину, которое калькируется на русский как *самопонимание*. Как бы то ни было, приходится соглашаться с А.Д. Васильевым в том, что, несмотря на широкое распространение слова *идентичность* в современной публицистике и гуманитарной науке, а может быть, как раз из-за такого чрезмерного и безотчетного распространения, соответствующее понятие нельзя признать настолько ясным и отчетливым, чтобы употреблять слово *идентичность* в ответственных

⁵ Здесь и далее ссылки на контексты НКРЯ даются в круглых скобках.

государственных документах, подписываемых высшим должностным лицом нашего государства – Президентом.

Выводы. «Написанное незабвенно пребывает». Автора прекрасных трудов о современной русской лексике с нами уже нет, но остаются сами труды, материалы которых нуждаются в дальнейшем исследовании в направлении, заданном А.Д. Васильевым. Он изучал слова с особой общественно значимой функцией, причем занимал наиболее объективную позицию, в которой язык не ускользает на место инструмента. Слова, изучавшиеся им, принадлежат разным тематическим сферам, поэтому их нельзя назвать, скажем, «социально-политической лексикой». Эти слова объединяются по важному общественно значимому прагматическому эффекту, связанному с когнитивной стороной русского языка, и их можно назвать «словами Васильева».

Дополнительное исследование слова *идентичность* подтверждает опасения А.Д. Васильева в целесообразности употребления его в юридически определяющих общегосударственных документах. Действительно, из-за смешения представлений, вызываемых словами *идентичность-1* и *идентичность-2* в русском языке, возникает необходимость ответа на вопрос, кто устанавливает или создает эту идентичность. В английской островной когнитивной модели это, разумеется, только тот, кто живет на острове. В русском опыте усвоения латинского прилагательного *idem > identicus* ‘тождественный’ ученый-естествоиспытатель ставит опыт и оценивает различие или тождественность, равнозначность, равноценность, равенство, подобие, схожесть его результатов. То, чему присуща идентичность, всегда выступает как объект, в том числе и в социальных технологиях. Субъектом придания той или иной идентичности выступает власть, объектом – народ. У фон Вригта есть попытка исправить такое неверное толкование отношений путем замены нового расплывчатого слова, претендующего на строгий юридический термин, *идентичность-2* с подозрительными ассоциациями на более ясное *самопонимание*. Слово *самоидентичность* подходит также лучше, чем *идентичность-2*.

Список источников

1. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 04.02.2026).

Библиографический список

1. Васильев А.Д. Игры в слова: манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб.: Златоуст, 2013. 660 с.
2. Васильев А.Д. Превращения слов. Современные лексико-семантические процессы / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2019. 316 с.
3. Васильев А.Д. Вариативные выражения универсальных оппозиций / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2020. Т. 1–2.

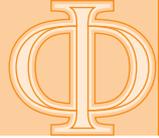
4. Васильев А.Д. Нескромное обаяние англицизмов: магнетизм темных слов // Сибирский филологический форум. 2022. № 1 (18). С. 40–50. DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-107>
5. Васильев А.Д. О вербальной коррекции картины мира // Сибирский филологический форум. 2023. № 1 (22). С. 4–13. URL: www.sibfil.ru/index.php/sibfil/article/view/294/216
6. Васильев А.Д. Вопросы культуры русской речи и аспекты российской языковой политики // Сибирский филологический форум. 2025. № 3 (32). С. 4–13. DOI: [10.24412/2587-7844-2025-3-4-13](https://doi.org/10.24412/2587-7844-2025-3-4-13)
7. Васильев А.Д. О новом документе государственной языковой политики «Об утверждении основ государственной языковой политики Российской Федерации» // Сибирский филологический форум. 2025. № 4 (33). С. 6–13.
8. Васильев А.Д. Вербально-манипулятивные операции как обязательный компонент деятельности СМИ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalno-manipulyativnye-operatsii-kak-obyazatelnyy-komponent-deyatelnosti-smi-1/viewer> (дата обращения: 03.02.2026).

Список словарей

1. Толковый словарь государственного языка Российской Федерации. Ч. 1. URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovari/tolkovyj_slovar_chast1_A-N.pdf (дата обращения: 04.02.2026).

Сведения об авторе

Демидов Дмитрий Григорьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: demidoffs@rambler.ru

ABOUT VASILIEV'S WORDS

(IN MEMORY OF PROFESSOR ALEKSANDR D. VASILIEV)

D.G. Demidov (St. Petersburg, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The late Professor A.D. Vasiliev's scholarly work focused on "language and society". Words as tools for governing the people confront the same words they internalize. Language stands between power and the people, offering its own historical response, for example, in the form of Sovietisms, the vocabulary of perestroika, and the vocabulary of the coronavirus era.

The purpose of the article is to demonstrate the relevance and practical importance of the problems raised by him using a very small fragment of the scientific legacy of A.D. Vasiliev; using his works, to identify examples of words and expressions significance of which is particularly high in contemporary Russian society; to assess the need for further research in this area and the expansion of their composition.

The material of the article consists of a very small number of words and expressions from the abundance of those that Dr Vasiliev wrote about.

Research methods: critical, historical, contextual, pragmatic and socio-political assessment of intra-linguistic lexical semantics.

The review of scientific literature on the problem takes into account only some of the works of A.D. Vasiliev; for their systematic and comprehensive review, a large independent study, perhaps a monographic one, is required.

Research results. A.D. Vasiliev examined words with diverse themes, yet they share a unique pragmatic effect on the relationship between power and the people. It is appropriate to call such words *Vasiliev's words*. Some recent Anglicisms are easily interchangeable with native Russian synonyms.

Conclusions. The inappropriateness of using the borrowed word 'identity' with its vague meaning in documents of national importance is confirmed. Its distinction from the native Russian derivative is established: *identichnyi* > *identichnost*.

Keywords: *A.D. Vasiliev, power and people, linguistic personality, foreign language borrowing, word-formation pair, homonym, identity.*

Sources

1. National Corpus of the Russian Language (NCRL). URL: <https://ruscorpora.ru/> (access date: 04.02.2026).

References

1. Vasil'ev, A.D. *Igry v slova: manipuliativnye operatsii v tekstakh SMI [Word Games: Manipulative Operations in Media Texts]*. Saint Petersburg, Zlatoust, 2013. 660 p.
2. Vasil'ev, A.D. *Prevrashcheniia slov. Sovremennye leksiko-semanticheskie protsessy [Transformations of Words. Modern Lexical-Semantic Processes]*. Krasnoiarsk, Krasnoiarskii gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva, 2019. 316 p.

3. Vasil'ev, A.D. *Variativnye vyrazheniia universal'nykh oppozitsii. 1–2* [Variable Expressions of Universal Oppositions. Vols. 1–2]. Krasnoiarsk, Gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva, 2020.
4. Vasil'ev, A.D. Neskromnoe obaianie anglicizmov: magnetizm temnykh slov [The Immodest Charm of Anglicisms: The Magnetism of Dark Words]. *In: SFF*, 2022, 1 (18), 40–50.
5. Vasil'ev, A.D. O verbal'noi korrektsii kartiny mira [On the Verbal Correction of the Worldview]. *In: SFF*, 2023, 1 (22), 4–13.
6. Vasil'ev, A.D. Voprosy kul'tury russkoi rechi i aspekty rossiiskoi iazykovoi politiki [Issues of Russian Speech Culture and Aspects of Russian Language Policy]. *In: SFF*, 2025, 3 (32), 4–13.
7. Vasil'ev, A.D. O novom dokumente gosudarstvennoi iazykovoi politiki “Ob utverzhdenii osnov gosudarstvennoi iazykovoi politiki Rossiiskoi Federatsii” [On the New Document of State Language Policy “On the Approval of the Fundamentals of the State Language Policy of the Russian Federation”]. *In: SFF*, 2025, 4 (33), 6–13.
8. Vasil'ev, A.D. Verbal'no-manipuliativnye operatsii kak obiazatel'nyi komponent deiatel'nosti SMI [Verbal-Manipulative Operations as an Obligatory Component of Media Activity]. KiberLeninka, 2015. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalno-manipulyativnye-operatsii-kak-obyazatelnyy-komponent-deyatelnosti-smi-1/viewer> (access date: 2026).

Dictionaries

1. Explanatory Dictionary of the State Language of the Russian Federation. Part 1. https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovari/tolkovyj_slovar_chast1_A-N.pdf (access date: 04.02.2026).

About the author

Demidov, Dmitry G. – DSc (Philology), Professor, Department of Russian Language, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
e-mail: demidoffs@rambler.ru